

УДК 929:78

Археолого-этнографические увлечения Ф. Н. Глинки в контексте его «деятельной жизни»

Н. В. Зайцева

Зайцева Наталья Валерьевна, учитель истории, ГБОУ г. Москвы «Школа № 402 имени Алии Молдагуловой», zajtseva2019@mail.ru

Статья посвящена археологическим и этнографическим увлечениям и изысканиям Ф. Н. Глинки, связанным с его интересом к отечественной истории, позицией просветителя и стремлением быть полезным обществу. В центре внимания автора – краеведческое путешествие Глинки 1810–1811 гг., его научно-просветительская деятельность на поприще председателя Вольного общества любителей российской словесности, фольклорно-этнографические занятия в период Петрозаводской ссылки, археологические исследования на территории Тверской Карелии, их поэтическое и научное осмысление. Археологические и этнографические изыскания Глинки рассматриваются сквозь призму его жизненных установок, которым он оставался всегда верен, – находить счастье «в жизни деятельной, на пользу общую посвящённой».

Ключевые слова: краеведческое путешествие, Вольное общество любителей российской словесности, этнографическая поэзия, руны, археология, курганы, Тверская Карелия, Бежецкий уезд

Поступила в редакцию: 09.02.2020 / Принята: 25.03.2020 / Опубликована: 30.09.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Archaeological and Ethnographic Hobbies of F. N. Glinka in the Context of His «Active Life»

N. V. Zajtseva

Natalia V. Zajtseva, <https://orcid.org/0000-0003-3386-8271>, Aliya Moldagulova School No 402, 10A Kosinski St., Moscow 111538, Russia, zajtseva2019@mail.ru

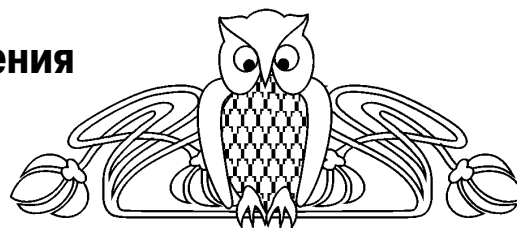
The article is devoted to F. N. Glinka's archaeological and ethnographic interests and research related to his interest in Russian history, his position as an educator, and his desire to be useful to society. The author focuses on Glinka's local history journey of 1810–1811, his scientific and educational activities as Chairman of the Free society of admirers of Russian literature, folklore and ethnographic studies during the Petrozavodsk exile, archaeological research on the territory of Tver Karelia, and their poetic and scientific interpretation. Glinka's archaeological and ethnographic research is considered in the article through the prism of his life attitudes, to which he has always remained faithful – to find happiness «in an active life, for the General benefit».

Keywords: local history trip, Free society of Russian literature admirers, Petrozavodsk, ethnographic poetry, runes, archeology, barrows, Tver Karelia, Bezhetzky uyezd.

Received: 09.02.2020 / Accepted: 25.03.2020 / Published: 30.09.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-3-291-297>

Замечательный писатель и поэт, видный общественный деятель, представитель раннего декабризма Ф. Н. Глинка был человеком универсального склада. Среди его многочисленных и разнообразных занятий этнографические и археологические увлечения и изыскания занимали важное место. Этот интерес к этнографии и археологии был у него напрямую связан с интересом к отечественной истории и истории народов, проживающих на территории России. Не получив в Первом кадетском корпусе систематических и основательных гуманитарных знаний, Глинка самостоятельно занялся гуманитарными и научными штудиями, а также практической научной деятельностью. Со временем он стал активным пропагандистом научных знаний и достижений. Его просветительские установки, характерные для декабристов, нашли свое воплощение как в специальных статьях и очерках, так и в собственно художественных произведениях.

Этнографические и археологические занятия Ф. Н. Глинки в тех или иных аспектах были объектом научного интереса исследователей его жизненного пути и творчества. А. К. Жизневский в биографическом очерке, посвященном Глинке, описал его занятия археологией в Тверской губернии¹. В. Г. Базанов в работе «Карельские поэмы Фёдора Глинки» дал не только блестящий филологический анализ этих поэм, но и обратил внимание на переводы ссыльного поэта двух рун «Калевалы» в рамках его общения с профессором Шёнгреном². В своем труде «Учёная республика» Базанов остановился на научно-просветительских штудиях Глинки в период его пребывания на посту председателя Вольного общества любителей российской словесности³. Эти же штудии вместе с кратким описанием тверских археологических изысканий Глинки стали объектом внимания В. М. Пасецкого и Е. К. Пасецкой-Креминской в книге «Декабристы-естествоиспытатели»⁴. В Карпец в большом историко-литературном очерке «Фёдор Глинка» об этнографических и археологических увлечениях поэта говорит лишь вскользь, отмечая, например, что по поэме «Карелия» «можно, словно по учебнику краеведения, изучать природу Олонецкого края, быт, нравы и предания карелов и русских поселенцев»⁵, но не останавливаясь при этом на особенностях «Карелии», как и близкой к ней «Деве карельских веков», которые могли бы подтвердить и проиллюстрировать это утверждение. Такая фрагментарность в освещении деятельности Глинки-археолога и этнографа понятна, так

как в глазах исследователей он, в первую очередь, декабрист и поэт.

Между тем увлеченность Глинки археологией и этнографией вкупе с историей и поэзией, политической и общественной деятельностью складывалась в своего рода жизнестроительную программу, которой он руководствовался на протяжении своего долгого жизненного пути. Цель статьи – рассмотреть этнографо-археологические увлечения Глинки как органическую часть его жизнестроительной программы.

В 1818 г. Глинка на пике своей литературной славы и военной карьеры, обласканный судьбой в лице всемогущего военного губернатора М. А. Милорадовича, написал «Рассуждение о необходимости деятельной жизни, учёных упражнений и чтения книг», где он сравнил человека с «путником, поспешающим сквозь все препятствия к цели». Жизнь человека, «жизнь существа разумного, – писал Глинка, – есть непрерывная деятельность. <...> Человек, как член общества, конечно, нигде не найдет счастья, если не умел найти его в жизни деятельной, на пользу общую посвящённой. – Жизнь и деятельность столь же тесно соединены между собою, как пламя и свет. Что пылает, то, верно, светит, что живёт, то, конечно, действует»⁶. В этих словах сформулирована жизненная позиция Глинки.

Уже в «Письмах русского офицера», сделавших имя начинающего писателя Федора Глинки известным всей читающей России, он не только изобразил «военные происшествия» трех масштабных военных кампаний (1805–1806 гг., Отечественная война 1812 г. и заграничные походы русской армии 1813–1815 гг.), но и дал описание «нравов и обычаев народов». В этом отношении особенно интересно второе издание «Писем» (1815 г.), куда он включил свои «мысли, замечания и рассуждения», связанные с его обширным краеведческим путешествием 1810–1811 гг. по России. Глинка, находившийся на то время в отставке, осуществил несколько поездок по Смоленской и Тверской губерниям, посетил Москву, Киев и Черниговщину, совершил плавание по Волге. Столь пристальное внимание к жизни россиян у него было связано с впечатлениями 1805 г., когда он, молодой офицер, вместе с русскими войсками прошел через Польшу, Австрию и Германию, жадно и пристально глядя в жизнь народов этих стран, сравнивая ее с жизнью народов России.

«В письме к другу», предваряющему описание поездок Глинки по России, он так сформулировал свою цель: «Во время краткой и обманчивой тишины, которую наслаждались мы с 1807 по 1812 год, предпринимал я, по разным обстоятельствам, поездки в разные места, не оставляя привычки бросать на бумагу мысли и замечания свои. Путешествуя в отечестве нашем, нельзя наполнить листов записной книжки описанием картин, мраморных изваяний и прочих произведений художеств, но можно описывать картины нашей природы... а всего, как мне кажется, важнее узнавать и описывать нравы своего народа. Путешествие есть

единственное к тому средство. Я старался рассматривать людей в их различных состояниях: гостил в палатах и жил в хижинах. Но там и тут главной целью моею было наблюдение нравов, обычаев, коренных добродетелей и наносных пороков»⁷.

Глинку волнуют проблемы национального самосознания, позволяющего одним народам и «в рассеянии» иметь общее «народное бытие» (евреи), а другим – цыганам – не иметь «и тени народного бытия». Он рассуждает о значении фольклора в жизни народов, называя народные песни «словесными летописями», «отголосками древних событий»⁸. Его внимание особенно привлекают «русские самородки», чья жизнь и деяния он стремится подробно описать, черпая свои сведения «из вернейших источников, ... никому доселе неизвестных». Его задача – опровергнуть «клеветы иноземцев» и доказать, что «русские точно ко всему способны»⁹. Волосков, Свешников, Демьянов, Маслов и многие другие – все они, «самородные дарования», представители народных низов, по глубокому убеждению Глинки, должны быть известны России. Так, в главе «Ржев» он подробно рассказывает о Максиме Егоровиче Немилове, «остроумном художнике-самоучке», «мастере золотых дел, слесаре, столяре, живописце и механике», изобретателе. Умея делать практически все – от строительства мельниц, плотин и самоходной тележки до часов и галантерейных мелочей, Немиллов «принадлежит к числу самых недостаточных художников», так как по-русски бескорыстен и делает почти все «безденежно или за самую малую плату». Глинка стремится привлечь к нему внимание какого-нибудь мецената-покровителя, ведь такие люди, как Немиллов, по его глубокому убеждению, «будучи одобрены и поддержаны, конечно, принесли бы немалую славу и пользу Отечеству»¹⁰.

Одна из самых больших глав путешествия «русского офицера в отставке» полностью посвящена другому «отличнейшему мужу Отечества нашего» – тверскому «крестьянину-философу» Ивану Евстафьевичу Свешникову, полиглоту и знатоку математики, увлекавшемуся, помимо прочего, античной историей и французской просветительской философией. Он прибыл в Петербург «в 1764 году, в весеннее время на барках с хлебом». И. И. Шувалов познакомился с ним на книжных развалах у «Щукина двора» и, восхищенный ученостью крестьянина, ввел его в круг знатных особ. Знания Свешникова были столь глубоки и обширны, что Шувалов предложил ему «выгодное место в Московском университете», а княгиня Е. Р. Дашкова – «почетное место» в Академии наук. «Потёмкин, всегда любивший окружать себя умными людьми, предлагал, в свою очередь, чины и почести Свешникову, с условием, чтобы он навсегда при нём остался». От всех этих «лестных предложений» Свешников отказался, сохраняя «всегда в нравах своих совершенную простоту»¹¹.

Накопленные Глинкой впечатления в период его краеведческого путешествия привели его к мысли о необходимости сбора, описания и изуче-

ния материалов, касающихся истории, культуры и быта русского народа. Война 1812 г. и заграничные походы русской армии, в которых вернувшийся на военную службу Глинка принимал участие, окончательно укрепили его в этих намерениях.

В феврале 1816 г. Ф. Н. Глинку перевели в чине штабс-капитана в лейб-гвардии Измайловский полк «с назначением состоять при гвардейском штабе», располагавшемся на тот момент в Петербурге. В этом году он становится членом Союза Спасения, в планы которого входит проведение обширной деятельности на поприще «правосудия», «общественного хозяйства», а также «распространение знаний», касающихся «наук и художеств». В декабре 1816 г. Глинка был избран действительным членом Вольного общества любителей российской словесности, находящегося под непосредственным влиянием «Союза Спасения», а затем «Союза Благоденствия». С 1818 г. он становится фактическим руководителем Вольного общества, а в 1819 г. официально избирается его председателем (на этом посту он пробыл по 1825 г. включительно).

В Вольном обществе Глинка развил кипучую деятельность, привлекая в его состав людей, не только проявивших таланты в сфере наук и «художеств», но и способных к просветительской деятельности. Планы Глинки и его сотоварищей обширны. Уже в марте 1817 г. планируется написание и издание «Российской энциклопедии», «Жизнеописаний многих великих людей отечества» («Словарь великих мужей России»), «Иконологического словаря с изображениями»¹². Глинка мечтает, объединившись с другими писателями, такими же, как и он, «любителями отечественной славы», написать обширное повествование-«путешествие» в глубь российской истории наподобие «Путешествия Анахарсиса по Греции» французского археолога и лингвиста XVIII в. Жан-Жака Бартеlemi. Главными источниками исторического путешествия нового «славяно-русского Анахарсиса» в глубь веков должны стать «древнейшие русские летописи, рассеянные по разным рукам, любопытнейшие грамоты и записи, погребённые в архивах древних городов и монастырей, старинные народные предания, песни и стихотворения русские»¹³. Глинка с энтузиазмом восклицает: «Подвиг трудный, но блистательный!.. Тогда увидим мы в сей любопытнейшей книге, как в очарованном зеркале, гражданские законы, воинское искусство, нравы, обычаи, одежду людей и слог – одежду мыслей их: всё в совершенном приличии месту, случаю и времени. Тогда, конечно, разыграет дух юного россиянина при воззрении на великие доблести и воинскую славу предков»¹⁴.

Всем этим намерениям не суждено было осуществиться. Тем не менее на заседаниях Вольного общества (с 1820 г. его участники стали называть общество Ученой республикой, а председателя переименовали в президента), помимо чтения авторами своих литературных произведений, регулярно заслушивались доклады естественно-научного характера. Среди них – обширный исто-

рический трактат Я. В. Орлова «Дух российских государей Рюрикова дома», краеведческие очерки Е. Ковалевского «Поездка к Уральским горам», И. Боровкова «Путешествие к водопаду Кивач», А. Боровкова «Поездка на Илецкую защиту», графа Д. И. Хвостова «Путешествие к реке Паше». Сам Глинка выступил инициатором создания при Вольном обществе библиотеки и минералогического кабинета. Исследователи отмечают, что только за 1820–1824 гг., «судя по далеко не полностью сохранившимся журналам Ученой республики, на её заседаниях ... было прочитано и обсуждено более 200 естественнонаучных и историко-географических работ». Работы, которые не рассматривались на заседаниях Вольного общества, публиковались в его журнале «Соревнователь просвещения и благотворения», который открывался рубрикой «Наука», где печатались в первую очередь этнографические, географические и археологические материалы и изыскания¹⁵.

В 1826 г., проходя по делу декабристов, отставленный от военной службы Ф. Н. Глинка был вынужден уехать в Олонецкую губернию. Формально это можно было счесть переводом по гражданской службе в Петрозаводск, но фактически это была безвыездная ссылка под надзор полиции. Петрозаводск по тем временам был маленьким заштатным городком с населением немногим более 5 тыс. чел., подавляющее большинство которых составляли мастерамые Александровского «казённого» пушечного завода, далее шли губернские и заводские чиновники, военные батальонного гарнизона, мещане, купечество и местное духовенство.

Энергичный и деятельный Глинка, до сего времени в течение 10 лет находившийся в самом центре культурной жизни России, очень тяжело переживал свое пребывание в Петрозаводске. Несмотря на видный пост, который он занимал в Олонецком губернском управлении (будучи старшим советником, он был третьим по значению чиновником-управленцем после губернатора и вице-губернатора), вся его служба сводилась к чтению, составлению и подписанию разного рода канцелярских бумаг. От тоски и нравственных страданий его спасала поэзия и увлеченность исследованием карельского края. Причем увлечение Карелией принимало у Глинки художественно-поэтическое осмысление, выливаясь в своеобразные формы «этнографической» поэзии.

Среди таких этнографически-поэтических текстов следует отметить пейзажное стихотворение «Вздох» (1826) и две «описательные» поэмы «Дева Карельских лесов» (1828) и «Карелия» (1828–1830). В них этнографический элемент, который романтики тогда называли «местным колоритом» (от фр. *couleur local*), столь силен, что эти произведения потребовали развёрнутых авторских комментариев («примечаний»). Для читателей того времени данный прием, правда, был не нов. Подобный способ комментирования

текста в виде отсылочных примечаний ввел еще Дж. Байрон в своих экзотических «Восточных поэмах», потом этот прием подхватил и использовал А. С. Пушкин в «Южных поэмах», а вслед за ним его стали применять и другие русские романтики. Однако примечания Ф. Н. Глинки качественно отличаются от комментариев поэтов-романтиков, ставивших перед собой задачи объяснить читателю, в первую очередь, семантическое наполнение экзотизмов, широко используемых в их текстах для придания того самого «местного колорита». У Глинки же почти каждое примечание имеет развернутый вид и потенциально содержит зерно научно-исследовательской статьи. Некоторые из примечаний представляют вполне завершенные этнографические заметки, имеющие минимальное отношение к самому сюжету произведения, но часто представляющие собой личные изыскания и наблюдения автора.

Эти комментарии включают в себя «анекдоты» (анекдот здесь – это рассказ о реальном происшествии, оставшемся в народной памяти иногда в виде байки, например, примечание № 2 к «Деве карельских лесов»), наблюдения над флорой и фауной Карелии (особенности воспроизведения карельских лесов, миграция птиц, виды местных рыб и их добыча), природными явлениями (белые ночи, северное сияние), рельефом и геологическим строением края. Примечания Глинки содержат его антропологические наблюдения, например, в 8-м комментарии к «Деве карельских лесов» он пишет, что «приметная желтоватость есть общий оттенок лица здешних жителей»¹⁶, а в 12-м комментарии к «Карелии» отмечает «особенный, холодный рассудительный ум и сократическое чело (как его видим на бюстах Сократа)», характерные для жителей Олонецкой губернии¹⁷. Комментарии Глинки содержат статистические данные, подробные сведения о поселении колонистов на берегах Онеги, обзор социальной стратификации местного населения, рассказы о полезных ископаемых Карелии, особенностях их добычи и переработки. Комментарии включают фрагменты местных мифов, преданий, верований и исторических очерков об основании городов и монастырей Олонецкой губернии. Здесь же Глинка старается разъяснить читателям смысл и значение местных выражений и слов (урки, наволок, сойма, шелойник, луды, боровые дороги и др.). Примечательно, что свои этнографические поэмы Глинка пишет на фоне сбора материалов для составления им статистического описания Олонецкой губернии. Об этом он сообщает в письме к своему другу, секретарю Вольного общества А. А. Никитину. К этому письму он приложил поэму «Дева Карельских лесов», которая должна познакомить Никитина «отчасти с пиитической стороною сил лесистых пустынь, на пространстве которых починут огромные озера, почти можно сказать – пресные моря...»¹⁸.

Своей «Карелии» Глинка не случайно дал подзаголовок «описательное стихотворение». В

этой небольшой поэме присутствуют несколько сюжетных линий: повествование о Марфе Ивановне Романовой, сосланной по велению Бориса Годунова в Толвуйский погост; история крестьянина Никанора, помогающего матери будущего царя; рассказ о трагической любви монаха-грека к турчанке Лейле, его скитания, духовные речи и видения. Между тем фольклорно-этнографические подробности, состоящие из развернутых описаний Карелии, уклада, быта и мифологии местных крестьян, в поэме Глинки оказались не только самостоятельным, но и главным элементом всего повествования. Фактически именно эти фольклорно-этнографические фрагменты «Карелии» в конечном счете стали для читателя новостью и вызвали большой интерес. Это очень тонко выразил А. С. Пушкин в своей статье-рецензии о «Карелии», написанной для «Литературной газеты». Назвав Глинку среди русских поэтов «самым оригинальным», Пушкин вместо развернутого критического разбора поэмы, предпочёл выписать из неё несколько наиболее ярких строф, чтобы заинтересовать ими читателей. И что характерно – все эти многочисленные строфы, приведенные Пушкиным для «подкрепления сего мнения», носят сугубо описательный характер и касаются исключительно фольклорно-этнографических и географических характеристик «Карелии»¹⁹.

Другая увлеченность Глинки – фольклориста и этнографа – касается карело-финского эпоса и старинного финского письма – рун. Важную роль в этом увлечении сыграла встреча Глинки с профессором А. М. Шёгреном, академиком Российской академии наук, лингвистом, историком и этнографом, знатоком языков финно-угорской группы. В 1824–1829 гг. он предпринял длительное путешествие «для исследования обитающих в России народов финского племени». С 29 ноября по 23 декабря 1826 г. Шёгрэн находился в Петрозаводске, где познакомился с Глинкой²⁰. Под влиянием и при содействии профессора Шёгрена Глинка занялся переводом на русский язык отдельных рун «Калевалы». Так появляются стихотворения «Вейнамена и Юковайна» и «Рождение арфы», соответствующие, по наблюдениям Базанова, 3-й и 41-й рунам «Калевалы». По поводу происхождения первого стихотворения Глинка в примечании к нему сообщает: «Сей образчик финской поэзии с соблюдением аллитерации, т. е. повторения одной и той же буквы в каждом стихе, из книги «Ueber die Finnische Sprache und ihre Literatur». Экземпляр сей книги получил я от самого сочинителя г-на Шёгрена, который был здесь (в городе Петрозаводске) в исходе прошлого года»²¹.

«Рождение арфы» начинается с уведомления автора о том, что это «древнее финское стихотворение, написанное размером подлинника с изустного перевода проф. Шёгрена»²² (в переводе Глинки народный финский щипковый струнный инструмент кантеле заменен более понятной русскому читателю арфой), а в примечании к стихотворе-

нию Глинка пишет: «Известный проф. Шёгрэн два раза проходил скалистую Финляндию и олонекские леса с целью исследования языка финских племён. По зимам заходил он отогреваться в Петрозаводск и словесно переводил мне некоторые из древних финских стихотворений, имеющих свой особенный размер, без рифм, но звучный и приятный»²³. По наблюдениям Базанова, Глинка стал первым переводчиком рун «Калевалы» на русский язык.

В январе 1830 г. после многочисленных личных ходатайств и хлопот друзей и знакомых, среди которых были В. А. Жуковский, А. Ф. Воейков, Н. И. Гнедич и даже сам А. Х. Бенкендорф, Ф. Н. Глинка был переведён по службе в Тверь. Спустя год он женился на А. П. Голенищевой-Кутузовой, а в 1834 г. вышел в отставку. К этому времени его здоровье, и без того достаточно слабое, расстроилось окончательно. По совету врача летом 1835 г. Глинка уехал в родовое имение жены – село Кузнецово Бежецкого уезда Тверской губернии, чтобы там как можно больше ходить пешком и дышать целебными испарениями сосен и можжевельных кустарников.

Первое, на что обратил внимание пытливый Глинка во время своих длительных прогулок, – это были следы древнего моря с окаменелыми останками его обитателей. Ближе к осени, когда прошла жатва, взору Глинки на полях предстали «какие-то пятна», заставленные камнями. Эти «пятна» оказались основаниями («поддоньями») древних курганов. По поручению Русского географического общества им были раскопаны несколько курганов близ села Михайловское-Прудово. Однако, как сообщает биограф Глинки А. К. Жизневский, «раскопки Фёдором Николаевичем курганов дали отрицательные результаты. Кроме угольев ничего не найдено. Во время таких разысканий им обнаружен загадочный памятник – большая каменная глыба с высеченным на нём изображением прямоугольников и слова “Степан”». Обнаружил Глинка и другие камни, заинтересовавшие его странными формами или испещрённые какими-то непонятными значками. «Всё это, – пишет Жизневский, – при поэтическом, преобладающем всегда в Фёдоре Николаевиче настроении послужило основанием к составлению им предположений, что в означенной местности... существовал какой-то древний “гард” скандинавов или великий град Славян, или поселения Бог весть какого народа»²⁴.

Обо всех своих бежецких открытиях Глинка поспешил сообщить историку и этнографу П. И. Кёппену, которому в конце 1835 г. послал несколько писем, сопроводив археологические описания своих находок рисунками курганов, найденных камней, а также значков и надписей, обнаруженных им на камнях. Увлеченный археологическими изысканиями, Кёппен пришел в восторг и опубликовал работу «О древностях в Тверской Карелии». В ее основу были положены «извлечения из писем Ф. Н. Глинки», его рисунки. К ним он присовокупил собственные

примечания²⁵. Статья была замечена научным сообществом и перепечатана в других изданиях.

В 1837 г. в «Русском историческом сборнике», издаваемом «Императорским Обществом истории и древностей российских», Глинка опубликовал большую статью «Мои заметки о признаках древнего быта и камнях, найденных в Тверской Карелии в Бежецком уезде»²⁶. Инициатором издания «Сборника» был М. П. Погодин, новый секретарь Общества. Он же определял тематику выпусков и отбирал материалы для публикаций, в которые входили «рассуждения, прочитанные в собраниях (Общества – Н. З.), и документы, известия, доставляемые членами»²⁷.

В этой статье Глинка подробно описал месторасположение изученных им курганов, а также результаты своих раскопок. Особое внимание он уделил найденным им камням, каждый из которых им был тщательно охарактеризован. Глинка также обратился с тремя предложениями к «Обществу Истории и древностей российских», где призвал: 1) установить «свои сношения» с представителями официальной власти на местах, а также с «любителями наук и древностей» на предмет доставления Обществу всякого рода описаний «со включением в них и народных преданий, рисунков, снимков, чертежей... старинных земляных насыпей, курганов» и т.д., то есть всего, «что может обличать быты стародавние»; 2) «развить и передать от себя кому следует мысль о заведении местных музеев или хранилищ древностей»; 3) «поручить своим членам-корреспондентам и просить г.г. губернаторов о поручении губернским и уездным землемерам доставлять в Общество названия пустошей, урочищ оврагов и ручьёв»²⁸.

Статья Глинки вызвала большой интерес у Погодина. Поставив ее первой в очередном выпуске Сборника (тем самым подчеркнув значимость публикации), он решил лично увидеть описанные Глинкой камни и курганы, за которыми ему, как пишет его биограф Н. Барсуков, «беспрестанно чудились то поселения наших беспокойных норманов, то геродотовские гробницы скифских царей, то становище асов, алан на пути их от Чёрного моря до знаменитого Асгарда, к полуострову – Скандинавскому»²⁹. Летом того же года Погодин поехал в село Кузнецово, где осмотрел курганы, камни и пришел к выводу о том, что Глинка дал их верное описание. Погодин отметил большое количество курганов «в этой глуши» и подчеркнул необходимость их картографирования и каталогизации. «Чтоб сделать какую-либо догадку об этих иероглифах Истории, подать о них какое-либо мнение, – отметил Погодин, – непременно должно осмотреть всю Россию в этом отношении, и перенести эти рассыпанные повсеместно насыпи на карту. <...> Вся здешняя страна очень важна для естественной истории и геологии»³⁰.

Из числа многочисленных камней, описанных и зарисованных Глинкой, особое внимание ученых привлекли два камня. Это камень с вы-

сеченным на нем кириллическими и греческими буквами именем «Степан» и изображениями вставленных один в другой трех прямоугольных четырехугольников. Ф. И. Круг, Финн Магнусен, А. М. Шёгрэн и П. И. Кёппен обратили внимание на сходство этих изображений с аналогичными квадратными насечками, нанесенными на камень, найденный в Изборске, который ученые сочли надгробьем легендарного Трувора. Из чего был сделан вывод, что камень с именем «Степан» был положен на могиле некоего Степана, убитого на поединке (три заключенных друг в друга четырехугольника являются, по мнению ученых, пиктограммой поединка).

Финн Магнусен, исландский историк и археолог, на другом камне, описанном и зарисованном Глинкой, обнаружил «двойные руны» (*doppelte Runnen*) и расшифровал их как «Иварови (или Ингварови, или Игореви) взят, т. е. поставлен, воздвигнут Игорю». Ученый предположил, что этот камень связан со знаменитым шведским полководцем, которому посвящена «особая сага». Этот воин неоднократно в своих походах заходил в самую глубь Руси, за что получил прозвище «Ингварь – далеко странствующий». В одном из таких походов он умер «от лютой болезни» и был похоронен вдали от родины³¹.

Несмотря на то, что ученые рассуждения о загадочных рисунках на камнях, найденных Глинкой, остались в области предположений и гипотез, они нашли свое отражение в научных трудах. Это «Древняя русская история до монгольского ига» М. П. Погодина (1872, т. 3), работа Шёгрена «О сочинении Финна Магнусена о руническом письме» (на нем. яз., 1842), «История русской словесности» С. П. Шевырёва (1846, лекция 3).

Археологические находки в Тверской Карелии побудили Глинку к их поэтическому осмыслению, тем более что поэзия расковывала его воображение, давая возможность выдвигать самые смелые предположения о тех «древнейших народах», что оставили материальные следы своего пребывания на Тверской земле. В 1850 г. Глинка публикует в журнале Погодина «Московитянин» пространное стихотворение-послание «К древним курганам и насыпям в Тверской Карелии». Для него он выбирает форму безрифменного гекзаметра, русской имитации античного стиха, на котором осуществлялись переводы «Илиады» и «Одиссеи» Н. И. Гнедичем и В. А. Жуковским. «Гекзаметра священные напевы», таким образом, включали стихотворение Глинки в поэтически интерпретированную историческую традицию, связанную с описанием и воссозданием древней архаики. «Античное эхо» стихотворного размера «К древним курганам...» также пробуждало в сознании тех, кто был вместе с Глинкой причастен к работе Вольного общества любителей российской словесности, воспоминания о планах написания путешествия в глубь веков «славяно-русского Анахарсиса». Стихотворение Глинки отчасти

выполняло эту функцию. Оно предоставляло возможность кинуть взгляд в далекое прошлое России и в вольной поэтической манере в виде вопросов выдвинуть исторические гипотезы:

Когда же?

Кто письма те писал? Кто разумел их значенья? –
Сын ли Одена свои нам оставил заветные руны?
Индии ль племя, идя из отчизны лотоса на север,
Вдох, иль молитву, иль мысль начертало на камнях
пустынных? <...>

Помните ль, помните ль вы, безыменные холмы
ту бурю?..

Прежде ль насыпаны вы или после разгрома –
кто знает!..

Брама ль, Юмайла, Перун миром тогда управляли?
В них ли вера была шедших с Востока на Север
В дробных, долблёных ладьях, древности

давней народов,
Некой таинственной силой к цели безвестной
влекомых!..

Тех ли кумиры богов, по полям сим в отломках
мы видим?

и т. п.³²

Дабы подчеркнуть документально-исторические основания своего стихотворения, Глинка сопровождает его развернутым «Примечанием», в котором сообщает точное местоположение курганов и «следов быта», ссылаясь на брошюру Кёппена, где приведены фрагменты его писем, на свою статью в «Русском историческом сборнике» и на расшифровку учеными надписей на найденных им камнях. В «Примечание» Глинка добавил свои размышления по поводу огромных «подземных дубов», которые находят на глубине более четырех метров («шесть аршин») по берегам р. Медведицы. «У меня есть пластинки этих подземных дубов, употребляемых местными жителями на разные поделки, – пишет Глинка, – Тверская губерния почти сплошь покрыта теперь одним только красным лесом (сосновым лесом – Н. З.): когда же росли в ней дубы, и такие ещё огромные?! – В тех же берегах находят и зубы мамонта, может быть, современника былых дубовых рощей»³³.

Деятельность Ф. Н. Глинки на поприще археологических изысканий была по достоинству оценена Московским археологическим обществом – в 1869 г. он был избран его действительным членом. В том же году Глинка принял участие в Первом археологическом съезде, состоявшемся по инициативе председателя Московского археологического общества графа А. С. Уварова.

Итак, Ф. Н. Глинка на протяжении всей своей жизни, проходя через многочисленные взлеты и падения, жестокие испытания судьбы, всегда оставался верен своему жизненному кредо – находить счастье «в жизни деятельной, на пользу общую посвящённой». Любительский интерес к этнографии и археологии органично сплелся у него с литературным творчеством и занятиями историей, проявился в его общественной инициативности. Поэтическая увлеченность Глинки курганами Тверской Карелии способствовала появлению профессионального

интереса к этой проблеме и региону со стороны ученых. С. А. Уваров на одном из заседаний Археологического общества, в преддверии Второго Археологического съезда, выразил пожелание об исследовании курганов Тверской Карелии, «описанных лишь в известной статье Ф. Н. Глинки»³⁴. Этот призыв был услышан. В 1879 г. профессор Московского университета А. П. Богданов по результатам своих раскопок опубликовал большую статью «Доисторические тверитяне по курганным раскопкам»³⁵. В 1884 г. вышла в свет статья «О Курганах и городищах в Тверской губернии» тверского археолога, краеведа В. А. Плетнёва³⁶, а в 1903 г. он издал обширный труд «Об остатках древности и старины в Тверской губернии»³⁷.

Ф. Н. Глинка не только выступал с идеей организации на местах краеведческих и археологических музеев, но и сам был одним из инициаторов создания Тверского музея (целенаправленный сбор экспонатов для будущего музея был начат в 1864 г., торжественное его открытие состоялось 9 августа 1866 г.). Особенно горячее участие Глинка принял в организации археологического и естественного отделений. Он передал в Тверской музей два камня – с именем «Степан» и знаками, принятыми за двойные руны, постоянно вносил денежные пожертвования на текущие расходы. В знак уважения и благодарности в 1872 г. в Тверском музее появились портреты Ф. Н. Глинки и князя П. Р. Багратиона, тверского губернатора, «положившего основание» этому музею.

Примечания

- 1 См.: *Жизневский А. К.* Федор Николаевич Глинка. Тверь : Твер. губ. правление, 1890. С. 19–31.
- 2 См.: *Базанов В.* Карельские поэмы Фёдора Глинки. Петрозаводск : Гос. изд-во Карело-Финской ССР, 1945. С. 101–107.
- 3 См.: *Базанов В. Г.* Ученая республика. М. ; Л. : Наука, 1964.
- 4 См.: *Пасецкий В. М., Пасецкая-Кремнинская Е. К.* Декабристы-естествоиспытатели. М. : Наука, 1989 URL: <https://www.litmir.me/br/?b=222595&p=1> (дата обращения: 5.02.2020).
- 5 См.: *Карпец В.* Фёдор Глинка. М. : Молодая гвардия, 1983. С. 71.
- 6 *Глинка Ф. Н.* Письма к другу / сост., вступ. ст. и коммент. В. П. Зверева. М. : Современник, 1990. С. 353.
- 7 Там же. С. 22–23.
- 8 Там же. С. 35.
- 9 Там же. С. 28.
- 10 Там же. С. 60–61.
- 11 Там же. С. 122–128.
- 12 *Базанов В. Г.* Ученая республика. С. 90.
- 13 *Глинка Ф. Н.* Письма к другу. С. 226.
- 14 Там же. С. 229.
- 15 См.: *Пасецкий В. М., Пасецкая-Кремнинская Е. К.* Указ. соч.
- 16 *Глинка Ф. Н.* Избранные произведения. Л. : Советский писатель, 1957. С. 341.
- 17 Там же. С. 399.
- 18 Там же. С. 296.
- 19 *Пушкин А. С.* Собрание сочинений : в 10 т. М. : ГИХЛ, 1962. Т. 6. С. 53.
- 20 См.: *Паиков А. М.* Карело-финский эпос и Ф. Глинка (Новые материалы) // Север. 1987. № 7. С. 98.
- 21 *Глинка Ф. Н.* Избранные произведения. С. 264.
- 22 Там же. С. 470.
- 23 Там же. С. 262.
- 24 *Жизневский А. К.* Указ. соч. С. 20.
- 25 См.: О древностях в Тверской Карелии. Извлечение из писем Ф. Н. Глинки к П. И. Кёппену (из 3-й книжки Журнала Министерства Внутренних Дел 1836 года). СПб. : Типография Медицинского департамента МВД, 1936.
- 26 *Глинка Ф. Н.* Мои заметки о признаках древнего быта и камнях, найденных в Тверской Карелии в Бежецком уезде // Русский исторический сборник. М., 1837. Т. 1, кн. 2. С. 3–29.
- 27 *Барсуков Н.* Жизнь и труды Погодина : в 22 кн. СПб. : Типография Стасюлевича, 1892. Кн. 5. С. 62–63.
- 28 Цит. по: *Жизневский А. К.* Указ. соч. С. 24–25.
- 29 *Барсуков Н.* Указ. соч. С. 81.
- 30 Там же. С. 82–83.
- 31 Цит. по: *Жизневский А. К.* Указ. соч. С. 22–23.
- 32 *Глинка Ф. Н.* К древним курганам и насыпям в Тверской Карелии // Москвитянин. 1850. № 8. Ч. 2, кн. 2. С. 291–292.
- 33 Там же. С. 294.
- 34 См.: *Жизневский А. К.* Указ. соч. С. 26.
- 35 *Богданов А. П.* Доисторические тверитяне по курганным раскопкам : из протоколов Антропологической выставки 1879 г. М. : Типография М. Н. Лаврова и К, 1879.
- 36 *Плетнёв В.* О курганах и городищах в Тверской губернии // Тверские губернские ведомости. 1884. 21 апр.
- 37 *Плетнёв В. А.* Об остатках древности и старины в Тверской губернии (с приложением археологической карты). Тверь : Типография губернского правления, 1903.

Образец для цитирования:

Зайцева Н. В. Археолого-этнографические увлечения Ф. Н. Глинки в контексте его «деятельной жизни» // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 291–297. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-3-291-297>

Cite this article as:

Zaytseva N. V. Archaeological and Ethnographic Hobbies of F. N. Glinka in the Context of His «Active Life». *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2020, vol. 20, iss. 3, pp. 291–297 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-3-291-297>